

Гу Цинбай долго шевелил губами, словно хотел что-то сказать, но так и не решился.

Гу Шаобай горько усмехнулся:

— Второй брат, говори. Что еще можно скрывать после всего, что произошло?

Голос Гу Цинбая дрожал, сдерживая эмоции:

— Абай, отец велел тебе явиться в родовой храм.

Услышав это, Шаобай на мгновение оцепенел, но затем смирился. То, что должно было случиться, все равно произошло бы. Его чудовищный проступок опозорил всю семью, разрушил столетнюю репутацию, подорвал устои, заложенные тремя поколениями. Это не то, что можно было скрыть, просто покинув Цзинлин.

Гу Цзюньсюань сидел в центре, Гу Цзинсюань и Гу Кансюань — по бокам. Все дяди, братья и другие родственники стояли по обе стороны, их взгляды были устремлены на Шаобая.

Над головой висела огромная табличка с черным фоном и золотыми иероглифами: «Высокие горы и благородный путь». Шаобай стоял на коленях перед табличкой, спокойный и неподвижный. Раны на коленях снова начали ныть, но он не шевелился.

— Шаобай, ты понимаешь, в чем твоя ошибка? — Голос Гу Цзюньсюаня был суров и полон боли, но он должен был быть твердым.

Шаобай опустил глаза и тихо ответил:

— Шаобай понимает свою ошибку.

В зале воцарилась гробовая тишина.

Гу Цзюньсюань твердо произнес:

— Гу Шаобай, ты, будучи молодым и безрассудным, пренебрег моралью и совершил поступок, противоречащий всем законам. Из-за тебя вся наша семья оказалась опозорена, столетняя репутация Гу разрушена, накопления нескольких поколений уничтожены в одночасье, и мы вынуждены покинуть Цзинлин, став посмешищем для всех. Если мы оставим тебя, то предадим наших предков и потомков. Сегодня ты будешь наказан пятьюдесятью ударами семейного закона, имя твое будет вычеркнуто из родословной книги, и ты будешь изгнан из семьи Гу. Отныне ты больше не сын семьи Гу!

Эти слова обрушились на него, как гром среди ясного неба. Поначалу он не мог поверить, оглядывая мрачные лица окружающих, но вдруг закричал изо всех сил:

— Нет... Отец, не прогоняй меня...

Он скорее готов был умереть под ударами, чем быть изгнанным из дома Гу. Здесь были его любящий отец, братья, это был его дом. Куда он пойдет, если уйдет отсюда?

Он пополз вперед, не обращая внимания на кровь, просачивающуюся через повязки на коленях, и, схватившись за ногу Гу Цзюньсюаня, умоляюще закричал:

— Отец, я понял свою ошибку... Это моя вина... Я больше так не буду. Бей меня сколько угодно, только не прогоняй...

Слезы текли по лицу Гу Цзюньсюаня, его сердце разрывалось от боли, но перед лицом всей семьи он должен был оставаться твердым:

— Абай, в нашей семье почти сто человек, и ты чуть не погубил всех их. Твоя жизнь — это мелочь, но репутация семьи Гу — это главное. Если мы не накажем тебя, то даже вернувшись на юг, мы не сможем найти себе места.

В голове Шаобая царил хаос. Слова отца доходили до него, но он словно не слышал их, продолжая бояться изгнания. Он все еще держался за ногу отца, тихо плача и умоляя, заставляя многих присутствующих прослезиться.

Он поднял голову, его темные глаза, затуманенные слезами, смотрели на Гу Цзюньсюаня:

— Отец, вы можете наказать меня как угодно... Только не прогоняйте, ладно?

— Отец...

Гу Цинбай, не выдержав, хотел заступиться за Шаобая.

Но второй глава семьи, Гу Цзинсюань, холодно прервал его:

— Цинбай, здесь не тебе говорить! Шаобай совершил чудовищное преступление, наша семья не может терпеть такого позора. Если мы не накажем его сейчас, то это будет поощрением зла. Если за любой проступок можно отделаться парой ударов, то зачем тогда нам семейные правила и устои?

Гу Цинбай сжал губы, не решаясь продолжать, и отошел в сторону, тихо плача.

Гу Цзюньсюань поднял дрожащую руку и вытер слезы с лица Шаобая, снова и снова проводя пальцами по его изящным чертам. Его сердце горело, как будто его облили кипящим маслом, и боль разрывала его внутренности. Он растил его, как драгоценность, целых семнадцать лет. Как он мог просто так его бросить?

Наконец, он вытер слезы рукавом и понял, что пришло время закончить это:

— Шаобай, не вини отца за жестокость... Уйдя из семьи Гу, ты должен жить хорошо...

Сказав это, он с силой оттолкнул Шаобая, и тот упал на пол.

— Принесите семейный закон!

Семейный закон Гу представлял собой пятифутовый гибкий хлыст из серебряных нитей, обмотанный бычьими жилами. Члены семьи Гу обычно были добродетельны и редко подвергались наказанию.

Шаобай, выросший в роскоши, не привыкший к боли, должен был выдержать пятьдесят ударов, что было равносильно потере половины жизни.

Двое членов семьи без лишних слов схватили Шаобая и потащили в центр храма, крепко держа его. Даже если бы они не держали его, у него не было сил сопротивляться.

Он стоял на коленях, в его сердце царила пустота, в глазах — холод. Он понимал, что все уже не вернуть, и только его уход сможет успокоить гнев всей семьи Гу. Это был отцовский долг перед всеми.

С резким звуком гибкий хлыст с свистом опустился на его спину. Боль оглушила Шаобая, и он тяжело упал на пол. Место удара горело, как огонь, кожа была разорвана, и кровь быстро выступила наружу.

Он стиснул губы, оперся на руки и снова встал на колени. Удары, как дождь, обрушивались на его тело, вырывая куски плоти. Сначала боль была невыносимой, но потом, глядя на брызги крови на полу, он словно онемел. Он стиснул зубы, сжал кулаки, подавляя крик, позволив ногтям впиваться в ладони, пока из них не потекли тонкие струйки крови.

Те воспоминания, настоящие или ложные, все еще крутились в его голове, каждую секунду причиняя невыносимую боль. Он тихо смеялся, смеялся над своей жалкой и ненавистной судьбой, разрушенной так называемой любовью с первого взгляда. Его улыбка, его нежность, его властность... все это было ложью, не было ни капли правды!

Семнадцать лет, Гу Шаобай, ты прожил зря!

Капля крови упала с его губ, превращаясь в цветок на полу. Он отпустил все свои привязанности, все свои страдания. Слезы еще оставались на его лице, но сердце было пустым. Семнадцать долгих лет, и все, что он получил, — это одиночество и свобода от всех уз.

Шаобай в третий раз очнулся и увидел, что палачи отошли. Цинбай, весь в слезах, поддерживал его:

— Второй брат, все закончилось?

Цинбай, сдерживая рыдания, кивнул.

Шаобай, с трудом поднявшись на колени, трижды ударился головой о пол, оставив на лбу красные следы, которые выделялись на его бледной коже:

— Шаобай не достоин, благодарит отца за воспитание... Отец, береги себя!

Затем он огляделся вокруг и снова ударился головой о пол, звук был четким и громким:

— Дяди, братья, Шаобай опозорил дом Гу, и его вина непростительна. Шаобай прощается с вами!

В зале царил тишина. Гу Цзюньсюань молча кивнул, и две слезы медленно скатились по его закрытым глазам.

С помощью Гу Цинбая Шаобай с трудом поднялся на ноги. Его белая одежда была пропитана кровью, и контраст между белым и красным был поразительным. У него закружилась голова, и он, держась за руку Цинбая, спокойно стоял, ожидая, пока головокружение пройдет. Затем он с неохотой отпустил его руку и слабо улыбнулся:

— Второй брат, Шаобай уходит. Береги себя!

Он пошел, шатаясь, и покинул зал.

Эта улыбка, как игла, вонзилась в самое мягкое место сердца Гу Цинбая.

Гу Цинбай сделал два шага вперед, но остановился, стиснув губы. В слезах он смотрел, как красно-белая фигура удалялась, пока окончательно не исчезла.

Шаобай, спотыкаясь, спустился по ступеням. За ним медленно закрылись красные ворота дома Гу, издав громкий звук.

Несколько золотых листьев гинкго поднялись ветром и мягко упали на землю. Он поднял голову, прищурившись на солнце. Послеполуденный свет пробивался сквозь листья, почти обжигая глаза, но не принося никакого тепла, только ледяной холод, проникающий в кости.

Осень становилась все глубже, и все вокруг увядало.

Порыв осеннего ветра заставил Шаобая с трудом двинуться к дереву гинкго. Его ноги больше не могли держать тело, и он, прислонившись к стволу, медленно опустился на землю. Перед глазами все потемнело, зрение стало размытым, и он закрыл глаза. В ушах был только шелест ветра в ветвях гинкго. В его сердце царил покой, как будто все ушло вместе с ветром...

Му Цинфэн, вернувшись с аудиенции, получил сообщение от Чжоу Пина и сразу же поспешил в дом, купленный на имя Чжоу Фэна.

<http://bllate.org/book/16730/1538444>